ИССЛЕДОВАНИЕ

Косьмин А.Д.[1], **Косьмина Е.А.**[2]

[1] *Омский государственный технический университет*

[2] *Омская гуманитарная академия*

О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства)

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются историческая прогрессивная роль неравенства и бедности (как функции и аргумента неравенства), факторы, их определяющие. Обосновывается стратегия гармонизации, достижения таких значений показателей диапазона неравенства и бедности, при которых они обретают статус реальных драйверов экономического роста. На основе компаративного анализа показателей диапазона неравенства выявлено положение России среди стран Евразийского экономического союза, «семерки» и наиболее благополучных скандинавских стран. Статья эвристична и прогностична и может быть полезна студентам, научным работникам и госслужащим, ответственным за благополучие народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *бедность, неравенство, лишения, инфляция, естественное неравенство, потребительский спрос, драйвер, экономический рост*

JEL: *D63, I30, O57*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 9. — С. 1119–1144. — doi: 10.18334/rp.17.9.35184

Косьмин Анатолий Данилович, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный технический университет (kosmin.39@mail.ru)

Косьмина Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия

ПОСТУПИЛО В РЕДАКЦИЮ: 14.03.2016 / ОПУБЛИКОВАНО: 20.05.2016

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП: http://dx.doi.org/10.18334/rp.17.9.35184

(с) Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. / Публикация: ООО Издательство "Креативная экономика"

Статья распространяется по лицензии Creative Commons CC BY-NC-ND (http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/)

ЯЗЫК ПУБЛИКАЦИИ: русский

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 9. — С. 1119–1144. — doi: 10.18334/rp.17.9.35184

– Я бы хотел знать, откуда нищие берутся, –
сказал литератор, глядя на нищих.
– Как откуда? Из разных щелей и углов выползают…
– Я не то спрашиваю, – возразил литератор, –
я хотел бы знать: как можно сделаться нищим, стать в это положение? Делается ли это внезапно или постепенно, искренне или фальшиво?...
Гончаров И. («Обломов»)

Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать
Маркс К.

Введение

Проблеме неравенства, его определению и методам измерения следует уделять заслуженное внимание главным образом потому и для того, чтобы различные аспекты неравенства и факторы, его определяющие, обрели реальный статус объекта управления в системе социально-экономических процессов общества.

Измерение неравенства необходимо также для определения рейтинговых мест стран и регионов по этому показателю на основе межстрановых и межрегиональных сопоставлений. Основная же цель измерения неравенства обусловливается необходимостью изучения (мониторинга) трендов в изменении неравенства за определенный период времени и принятия оперативных управленческих решений, направленных на гармонизацию неравенства и детерминирующих его факторов.

На протяжении всего постсоветского периода сохраняется высокий уровень неравенства в доступе к доходам и ресурсам, о чем свидетельствуют показатели диапазона неравенства. Президент России В.В. Путин официально признал запредельное расслоение российского общества, особенно на фоне стран европейского блока, таких как Чехия, Швеция, Норвегия, Дания, в которых коэффициент Джини колеблется в диапазоне 0,2–0,3. В нашей стране 10% богатых уже владеют 87% национального богатства (грядущая очередная волна приватизации в 2016 году крупнейших госкорпораций пополнит их богатство). Такого положения нет ни в странах Африки, ни в Латинской Америке. Даже в США этот показатель меньше на 11% [7].

Уровень бедности в восходящей фазе кризиса (после сентября 2015 года) продолжает расти, существенно опережая официальный

уровень инфляции на 15–20% (сами граждане оценивают уровень жизни как снизившийся на 26%, в отличие от 13% инфляции). Особо остро стоит вопрос неравенства по доходу, по богатству и региональное неравенство [23].

По данным Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), растет в связи с указанным выше социальное напряжение, потенциальны протестные настроения, в том числе и на фоне острых социальных последствий в трудовой сфере и роста безработицы [23].

Неравенство в распределении доходов оказалось долгосрочным трендом, обусловившим рост различных степеней абсолютной бедности – нищеты, нужды, лишений и тяжелой бедности [5], «подстегнувших» рост более глубокого и более масштабного неравенства, проявляющегося намного сильнее в области доходов, чем в сфере здравоохранения и образования (однако с точки зрения человеческого развития одинаково важно и менее существенное неравенство в области здоровья и образования).

Актуальность проблемы сокращения неравенства определяется объективной необходимостью повышения благосостояния народа как аргумента функции экономического роста, которое является одним из важнейших показателей эффективности государственной политики и, одновременно, фактором выбора долгосрочного социально-экономического курса развития страны.

Изложение содержания статьи предварим ответом на поставленный вопрос литератором, критически оценивая один из авторских пассажей, содержащихся в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год: «В настоящее время ограничения для развития формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства. Ряд исследователей неравенства отмечают возрастающую социальную напряженность по поводу высокой дифференциации доходов на этапе экономической стагнации, обусловленную туннельным эффектом. Суть данного явлений заключается в том, что, когда нет общего экономического прогресса, повышение благосостояния узкого круга людей формирует негативное отношение к неравенству, поскольку высокие доходы не трансформируются в инвестиции в национальную экономику, следовательно, сужается коридор возможностей для экономического

роста, не создаются новые рабочие места и нет перспективы роста доходов для экономически активного населения» [6, с. 82].

Резонный вопрос автору этого пассажа (автору соответствующего раздела указанного доклада): а должны ли (и возможно ли в принципе) в любой экономической ситуации ежегодно повышающиеся доходы «узкого круга людей», высокооплачиваемых чиновников и менеджеров российских компаний («Роснефть», «Газпром», Банк «ВТБ», «Сбербанк», «РЖД» и другие) инвестироваться в национальную экономику (как и доходы экспатов, зарабатывающих в России более 250 тыс. долларов в год)? Что же касается утверждения о том, что «ограничителем» развития является главным образом неравенство, а не бедность (являющаяся доминирующим аргументом функции неравенства), ограничивающая возможность человека в пространстве жизнедеятельности, то оно неверно, как неверно и то, что «повышение благосостояния узкого круга людей формирует негативное отношение к неравенству».

Негативное отношение формируется не к неравенству, а к архитекторам этого неравенства, архитекторам распределительных отношений, зависящих исключительно от их установлений (Дж.Ст. Милль). Именно от «установлений» высших руководителей экономического блока правительства (поможем ответить Штольцу на поставленный литератором вопрос) народ может сделаться нищим как внезапно и вполне искренне (лишиться сбережений, имущества в результате приватизации и ваучеризации) в начале 90-ых годов и в 1998 году (дефолт), так и постепенно, начиная с 2008 года и по сей день – и тоже искренне. В этой «кризисной ситуации» – философствует глава Минэкономразвития, – самое главное – сохранить душевное спокойствие, иметь крепкие тылы дома, в семье, и больше всего думать о собственном здоровье и здоровье своих близких. Баррели, санкции – это все преходящее (образчик современных «карениных», идущих во власть ради собственной выгоды и рассуждающих в унисон с тургеневским персонажем Рудиным, «хорошо знающем, как это горько, тяжело, невыносимо, ну что делать?! – разумеется покориться судьбе» (чистой воды обломовщина).

Похоже, что экономический, неолиберальный по своей идеологии блок правительства «ожидания» России возлагает большие надежды на внешние драйверы экономического роста, на глобальный экономический прилив, метафорично выражаясь, долженствующий поднять и российский корабль, выброшенный на рифы очередной

волной структурного кризиса, обрушившего реальные доходы населения в 2015 году на 9,5%, потребительский спрос на 10,0%, а конечное потребление домашних хозяйств (одного из главных показателей благосостояния народа) – на 10,2%. В результате количество семей, которые относят себя к бедным, в 2015 году увеличилось вдвое, при том, что в конце года прожиточный минимум (ПМ) уменьшился для трудоспособного населения на 3,7%, для пенсионеров на 3,2% и для детей – на 4,2% [2, с. 1].

Совершенно неоправданное занижение стоимостной величины ПМ, снижение порога бедности улучшает статистические показатели абсолютной бедности (сокращается численность лиц, находящихся ниже прежней черты бедности – прожиточного минимума), но усиливается ее глубина. Так называемая политика сокращения неравенства в России выходит даже не на стратегию вытягивания наверх бедняков (сбора «низко висящих плодов»), находящихся внизу ближе всего к ранее обозначенной черте бедности, а наоборот, на стратегию приближения последней к тем, кто находился за чертой бедности. Манипуляция с чертой бедности, с прожиточным минимумом в условиях неконтролируемого роста цен является запредельно циничной. Чтобы избежать этой ошибочной стратегии, ошибочного выбора, надо начинать с «последней мили», то есть с предоставления доступа к базовым услугам прежде всего самым бедным и наиболее уязвимым [5, с. 90].

Определение стоимостной величины ПМ достаточно субъективно, и потому «статистическое» снижение показателей бедности еще не означает ее реального уменьшения, поскольку может являться и, к сожалению, является результатом сознательного занижения стоимостной оценки ПМ, «задекларированной» властями, более, чем в 2 раза (расчеты авторов по ценам на 1 января 2013 года по всем составляющим новой потребительской корзины, действующей с этого же периода) [15, с. 963–966].

На гайдаровском форуме–2016 было признано, что наиболее острой проблемой является проблема роста бедности населения. В России в числе бедняков оказывается и работающий человек, не обеспечивающий себе прожиточный минимум работая. На этом фоне благополучно выглядят формальные показатели рынка труда, поскольку российский рынок труда традиционно выбирает модель сокращения заработанных плат при сохранении общей занятости, но в условиях

ограничения продолжительности рабочей недели (3–4 рабочих дня). Потому-то и не наблюдается лавинообразного роста безработицы [23].

В социальной поддержке особо нуждаются слабо защищенные социальные слои населения (по терминологии высокопоставленных чиновников). Речь идет, по-видимому, о населении с доходами ниже прожиточного минимума, резко сократившем масштабы потребления из-за высокого уровня продовольственной инфляции. По данным Росстата, инфляция на 21 декабря 2015 года составила 12,7%, а фактически – 31,8% [1, с. 11].

Необходимо либо срочно повышать величину прожиточного минимума, индексируя его на уровень указанной инфляции, либо «запускать» программу льготного дополнительного питания, выстроенную на принципах нуждаемости и адресности.

Следует отметить, что постоянно опережающий очень скромную и крайне нерегулярную индексацию доходов населения рост инфляции (фактический, а не исчисляемый официальной статистикой: в начале 2016 года, например, проведена индексация пенсии неработающим пенсионерам в размере 4% – при достигнутой инфляции, равной 31,8%) подрывает аксиому монотонности нобелеата А. Сена, согласно которой увеличение доходов населения должно привести к общему снижению бедности и, следовательно, сокращению неравенства [22].

В Америке, например, реализуется долгосрочная льготная программа дополнительного питания, что является ключевым элементом обеспечения продовольственной безопасности для бедных американцев. Программа продовольственной помощи, расходы на оказание которой сейчас резко увеличились, включает программу школьных обедов, в рамках которой субсидируются обеды для малоимущих школьников, и специальную программу помощи для женщин и детей. Благодаря этому американцы тратят на продукты питания не более 12% своих доходов. Для сравнения, в России этот показатель составляет от 35 до 60% и выше [9, 20].

Власти демонстрируют чистой воды маниловщину, когда, с одной стороны, декларируется особая озабоченность о людях, особенно социально слабых защищенных, а с другой стороны, за их счет наращиваются фискальные доходы: изымаются средства у населения через повышение тарифов ЖКХ, автострахования, введение косвенного налога на товары массового потребления – на так называемые вредные продовольственные товары (под лицемерным прикрытием

патерналистской заботы о здоровье населения): маргарин, сладкие напитки, пальмовое масло (без которого немыслимы все хлебобулочные изделия и молочные продукты) и другие неблагоприятные для россиян изменения, которые потребуют новых затрат (?), но скорее всего новых лишений, облегчающих продуктовую корзину. Решение властей пополнить бюджет за счет акцизов «потянет» за собой шлейф негативных последствий: сократится потребление акцизных продовольственных товаров (понизится совокупный потребительский спрос) – сократится объем их производства (соответственно и добавленная стоимость) – сократятся налоги, уплачиваемые товаропроизводителями – сократятся рабочие места – вырастет безработица – увеличится количество различных категорий андеркласса (алкоголиков, бродяг, бездомных, наркоманов, членов агрессивных преступных группировок, терроризирующих граждан на улицах и в жилищах – новоявленных коллекторов и др.) – вырастет преступность – увеличится заполняемость тюрем (по данным американских ученых, рост безработицы на 1% увеличивается заполняемость тюрем на 5–7%) – возрастет социальная напряженность – понизится доверие, уровень отношения к национальному лидеру и федеральной власти, из-за «неблагоразумия которой беднеет великая нация» (А. Смит).

Кстати, в России, как нигде в мире, отмечается и без того очень высокая налоговая нагрузка на физических и юридических лиц – доля налогов в ВВП составляет 40%, в то время как в США, Канаде, Швейцарии, Японии и других странах – менее 30% [18].

Как тут не вспомнить Отто фон Бисмарка, который призывал мир никогда и ничего не замышлять против России, потому что на каждую вашу хитрость она отвечает своей непредсказуемой глупостью. Эта «наследственность» не заставила себя ждать – это перманентно наращиваемые тарифы ЖКХ, широкомасштабные акцизы, высокие ставки рефинансирования, плата за капремонт, оптимизация личного подсобного хозяйства и т.д. – все это стало явью дня сегодняшнего. Это, конечно же, безнравственно и, следовательно, неразумно.

Самонадеянные конструкторы экономических прогнозов [8], априорно обреченных и бессмысленных по причине их далеко не полного соприкосновения с реальностью, должны переключиться на профессиональное обоснование социально-экономической эффективности, разумности принимаемых управленческих решений, элементарно просчитывая, сопоставляя выгоды и потери в результате их

реализации (как это делали А. Косыгин и Е. Примаков). И следовало бы наполнить экономическим властям о том, что после кризиса 1998 года основным драйвером экономического роста было потребление, возросший потребительский спрос в результате наращивания государством социальных расходов в структуре консолидированного бюджета (использовался кейнсианский вариант экономического роста) [12, 13].

Одним из действенных вариантов решения экономических проблем России в настоящее время является стимулирование роста потребления домохозяйств, роста внутреннего потребления (но не «мощная сберегательная активность населения», как это считает Минэкономразвития). О какой сберегательной активности беднеющего населения может идти речь в то время, когда оно активно скупает дорогостоящую технику, опустошая не только свой собственный кошелек, но и ресурсы банковской сферы, любезно предоставившей возможность получения потребительского кредита. Склонность к сбережению подорвана сложившейся ситуацией в стране, в ее экономике. Люди спешат освободиться от теряющих свою ценность денег, обесценивающихся в разы. В период кризиса население «уходит в потребление», что обусловлено чувствительностью потребительского рынка к колебанию валютных курсов и фантомными болями либерализации цен и дефицита товаров [6, с. 70]. Памятуя о дефолте по советским сбережениям, население снизило доверие к сбережениям во вкладах и ценных бумагах.

О корреляции между размерами социальных расходов и снижением неравенства указывается в Докладе о человеческом развитии 2014 под названием «Тезис о размере – перераспределении» (size-redistributionthesis) [5, с. 88]. Благодаря системе перераспределения в 1990-е годы Германия, Испания, Франция, Бельгия смогли снизить бедность среди семей, имеющих детей, более чем на 50%.

Боливия, например, в 1997 году ввела всеобщую пенсию по старости, которую частично финансировала за счет средств, полученных от приватизации государственных предприятий. В 2007 году пенсионный возраст был снижен с 65 лет до 60 лет и главным источником финансовых средств стали налоги с продажи углеводородов [5, с. 88–89]. По данным Зюганова Г.А., Россия продает составляющие национальное достояние нефть и газ на 20 триллионов рублей в год, а в бюджет попадает около 8 триллионов, а 12 триллионов – это дань,

которую страна платит российской олигархии и ее зарубежным покровителям [7].

Согласно теории Дж.М. Кейнса, чем выше неравенство, обусловленное низкими доходами и бедностью, тем ниже эффективный спрос (который реально проявляется на рынках товаров и услуг) и тем ниже масштабы производства, поскольку безрассудно производить товары, которые не найдут своего покупателя. При этом сбережения богатых оказываются бездеятельными и рыночные механизмы заводят экономику в тупик.

Влияние масштабов неравенства на экономический рост является опосредованным – через социально-политические императивы перераспределения доходов. В случаях, когда повышение неравенства влечет за собой повышение государственных расходов и соответствующий рост налогов, оно ведет к снижению темпов экономического роста, поскольку часть доходов, которые могли бы быть использованы для инвестирования, отвлекается на текущее потребление. Кроме того, избыточное фискальное давление снижает склонность к производительному труду и инвестированию [17, с. 110–111]. Не обременяющее национальный пирог естественное неравенство становится реальным драйвером экономического роста, повышает стимулы к труду и предпринимательству.

Об исторической прогрессивной роли неравенства, необходимого для процесса сотворения (Вивекананда) и оправданного «во имя творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств» (Н. Бердяев), «божественно устроенного изящного естественного неравенства» (И.Лопухин), неравенства, возрастающего по мере расширения границ свободы (возможностей, как ее неизменного следствия) (Э. Ренан), неравенства, без приемлемого (умеренного) уровня которого мир был бы так же страшен, «как физический мир без трения» (Дж. Стиглер – лауреат Нобелевской премии по экономике), написано немало мировоззренческих, в том числе литературных, работ и фундаментальных исследований российских и зарубежных ученых.

Неравенство – это равнодействующая двух контрастных полюсов благосостояния – бедности и богатства. Бедность и богатство – внеисторическая диалектическая пара, известная со времен Платона, Аристотеля, Макиавелли и других мыслителей эпохи Возрождения и эпохи Просвещения.

Результатом борьбы двух противоположных сторон этой диалектической пары является тот или иной уровень социального неравенства, исторически обусловленного и общественно необходимого в любом обществе для его эффективного развития по пути общественного прогресса, поскольку формирует материальную заинтересованность людей в повышении эффективности труда, в поиске наилучших вариантов приложения и использования своих, полученных от природы, различных способностей. Но бесспорно также и то, что существуют такие виды и степени (уровни) неравенства, которые не только препятствуют развитию общества, но и могут привести к социальному взрыву. Речь идет о неравенстве в пространстве доходов, важнейшей составляющей экономическое неравенство.

В Докладе о человеческом развитии–2014 отмечается, что «неравенство порождает нестабильность, увеличивая частоту крупных колебаний в экономике. Крайние показатели неравенства означают, что большие группы людей живут в бедности и имеют пониженную способность противодействовать шокам, когда они происходят. Нам нужно думать о неравенстве не только как о моральной проблеме – каковой она является – но и как о фундаментальном экономическом вопросе, который необходим для любого анализа уязвимости» [5,с. 84].

Неравенство рассматривается в терминах изменения пропорций в соотношении доходов богатого и бедного населения. Неравенство в доходах – это, главным образом, рукотворный «продукт», результат несправедливого распределения национального богатства и результат перераспределительного неравенства, когда доходы господ «купона» (Успенский), капитала и чиновников всех рангов растут более высокими, опережающими доходы населения темпами. За период «новой эры» нашего государства чиновники высшего эшелона власти (законодательной и исполнительной) увеличили свои доходы, по данным Независимого института социальной политики, в 76 раз по сравнению с шестикратным увеличением доходов трудящихся. По логике экономической высокая заработная плата (жалованье) – это результат высокопроизводительного труда, созидающего прямо или опосредованно национальный продукт. На поверку же законодатели изобретают немало законов, подрывающих потенциал внутреннего драйвера экономического роста, имея в виду устойчиво резкое падение совокупного потребительского спроса, а исполнители заняты менее «вредной» работой – контрольными, распределительными и

представительскими функциями. Все это против разума, потому и безобразно (Ф. Александрийский).

Проблемы неравенства и бедности населения остаются в течение всего трансформационного периода огромными «пятном невнимания», наверное, потому прежде всего, что власть предержащие, следуя в фарватере разбуженного декабристами революционера, ничего не сделали, ибо всегда хотели сделать больше обыкновенного («Я ничего не сделал, ибо хотел сделать больше обыкновенного» – А. Герцен). А необыкновенным в обыкновенной проблеме достижения равновесного состояния между бедностью и богатством является углубление пропасти между бедными и богатыми, чудовищное неравенство по доходу, обусловливающее рост численности бедного населения России, особенно за период 2014–2015 гг.

Бедность – это функция неравенства людей прежде всего (изначально) по признаку генетическому, различной степени одаренности людей (Артур Шопенгауэр говорил о том, что 5/6 человечества являются очень скудно одаренными), лежащей на стороне Создателя, и, следовательно, различной возможности и различных результатов их конвертации в способности, осуществляемой различным образом при схожих или несопоставимых условиях и обстоятельствах. Это с одной стороны. С другой стороны, бедность создается самими людьми, созидающими богатство, и способами его распределения в соответствии с традициями, обычаями и своими представлениями о справедливости и нравственности [11, 16].

Бедность – это внеисторическое явление, которое невозможно ликвидировать вообще, кроме, как заявлено в Целях тысячелетия, чрезвычайной бедности. Хотя имеет право на существование идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью, то есть ее абсолютное преодоление, так как в здоровом, цивилизованном обществе не должно быть людей с доходами ниже прожиточного минимума (разного для стран мира) [14, с.9–10].

Бедность следует рассматривать диалектически, сквозь призму сочетания противоположных сторон диалектической пары – социального зла и социального добра, общественной значимости бедности, на которую указывали А. Смит: «Бедность, по-видимому, благоприятствует размножению», современник К. Маркса С. Ленг: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы», именитый русский историк В. Ключевский: «бедность – одно из главных

средств нравственного воспитания народа». Экономическую значимость бедности, благоприятно сказывающейся на капиталистической экономике, признавал и К. Маркс [10].

Бедность не следует поощрять к широкому распространению. Но и не следует обольщаться по поводу ее преодоления (преодолеть можно и нужно неравновесное состояние между бедностью и богатством, подтянув доходы более 25 млн россиян до границы бедности – умеренной бедности) [20].

Бедность и богатство, как уже отмечалось, это два противоположных полюса благосостояния народа. На обоих полюсах наблюдается «одинаковость наслаждения» (И. Бунин), имея в виду, с одной стороны, на одном полюсе – «благородную и трудолюбивую бедность – как природное состояние человека» (Вольтер), имеющую возможность удовлетворить свои относительно ограниченные потребности, и когда этим «маленьким людям кажутся огромными житейские блага» (Жан де Лабрюйер), с другой стороны, на другом полюсе – «богатство – для услады жизни, но жизни не для того, чтобы копить богатство» (Саади), а для определяющего стремления к удовлетворению потребностей более высокого порядка.

Различная по уровню жизни двухполюсная «одинаковость наслаждения» по мере роста потребностей этих «маленьких людей» (бедных) и возможностей их удовлетворения выйдет на более высокий, цивилизованный уровень, гармонизирующий неистребимое неравенство.

Количественное измерение неравенства должно базироваться на четко выверенном его вербальном определении. Как советовал во всем сомневающийся Р. Декарт – «верно определяйте слова – и вы освободите мир от половины недоразумений», а выделяющийся изящным литературным слогом Дж. Оруэлл ни в чем более действительно не нуждался, кроме как в подборе верного слова.

Критерием оценки эвристической ценности того или иного определения является не частота его употребления, а его соответствие формальным требованиям, предъявляемым к номинальным определениям – ясности и результативности («когда нововведение трудно установить, это служит доказательством того, что в нем нет необходимости» – Вовенарг). Нам представляется, что такие понятия, как «нормальное неравенство» и «избыточное неравенство», таковыми признаками не обладают, но всего лишь спросом, имея в виду

повторение этого заблуждения именитыми авторами статей Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. «Можно считать, – отмечается в Докладе, – что в России неравенство не просто высокое, а избыточное. По данным исследований Всемирного банка, неравенство становится избыточным, начиная с уровня 30–40% для коэффициента Джини. Избыточным принято называть неравенство, которое не просто глубокое (глубокое неравенство не обязательно синоним избыточного), но которое, начиная с определенного уровня, играет уже не стимулирующую, а дестимулирующую роль в экономике и вызывает негативные социальные и экономические последствия» [6, с. 86]. И далее, «согласно результатам исследования А. Шевякова и А. Кируты» (давших «оригинальные» именования неравенства по доходам – общее, нормальное неравенство без бедности, избыточное неравенство, обусловленное бедностью, нецелесообразность и практическая непригодность которых уже давно была доказана авторами– прим. авторов [9, с. 19–20]), при снижении избыточного неравенства в России на 1% темп роста ВВП повышается на 5%. По их расчетам при оптимальном перераспределении доходов, снижающих величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 годов мог бы быть выше фактического на 30–50%» [6, с. 86].

Итак, неравенство представлено как высокое, глубокое и опять-таки избыточное. ООНщики используют еще целый ряд прилагательных – большое, крайнее, сносное, критическое. А Всемирный банк определил не избыточное значение неравенства, а критическое (по отношению к экономическому росту на уровне 0,4), одинаковое для всех стран мира (считаем, что как в принципе не может быть какое-то количество заповедей на все времена и эпохи, так и не может быть одного единственного критического значения неравенства для всех стран мира, и потому это очередная причудливость (Даль) экспертов Всемирного банка, их особенная «придумка»). Неравенство, как было нами доказано, не поддается нормативному количественному измерению, определению его реперных значений – стандартов. В различных странах и в различные исторические периоды эволюционирующей экономической системы предельные значения неравенства являются сугубо «конкретно-историческими», определяемыми, скорее, интуитивно, чем рассчитываемыми на основе эконометрического анализа. Боле того, само по себе сравнение показателей Джини (самых «ответственных» за достоверность

неравенства) как инструмента определения межстрановых различий в уровне неравенства не выдерживает критики. Инструментальное значение такого сравнения заключается всего лишь в определении амплитуды «колебания» страновых индексов Джини относительно его теоретического (оптимального) значения, определенного Всемирным банком [9,с. 27].

Что же касается количественных взаимосвязей неравенства и экономического роста, представленных в упомянутом Докладе, то они, по существу, являются всего лишь догадками, ибо эти взаимосвязи являются стохастическими, непредсказуемыми и неподдающимися формализации. Поэтому числовая корреляция между неравенством и экономическим ростом является практически не выявляемой, какой бы, даже самый совершенный, математический аппарат не применялся. Это тот случай, о котором писал А. Рей в своей книге «Современная философия»: «Конечно, наша математика вполне соответствует реальности – в том смысле, что она приспособлена к символическому выражению известных соотношений в реальном. Но математика сильнее всех других наук склоняет… к софистике прагматизма, каковой является научный агностицизм. Действительно, именно в математике мы чувствуем себя наиболее близкими к произвольной игре формулами и символами, такой абстрактной, что она кажется пустой… и я нахожу в ней мало прагматичного». Именно с этим выводом А. Рея (французского философа, позитивиста) был согласен В.И. Ленин в своих замечаниях на эту его книгу [21, с. 478–481].

Все-таки следует еще раз вернуться к определению неравенства как «избыточного» и «нормального». По Далю В., избыток означает изобилие, обилие, достаток, излишество, богатство [3, с. 12], то есть избыток чего-то абсолютного и материального, но не относительного. В избытке могут быть деньги, капитал, масса тела, неэффективные собственники и менеджеры и т.д., но не неравенство (по доходам). Между указанными понятиями отсутствует консонанс, согласованность их сочетания, поскольку полюсу «избыточность» должен соответствовать полюс «недостаточность» (но не «нормальность»), образуя диалектическую пару. Следуя логике авторов этого понятия, следует признать избыточное неравенство и по двум другим измерениям человеческого развития, а именно – избыточное неравенство по образованию и избыточное неравенство по продолжительности жизни. Похоже, у «архитекторов» т.н. избыточного неравенства, как термина,

смысл которого ими не очень прояснен, присутствует «внутренняя убежденность» (как у судей вопреки здравому смыслу и реальным фактам) в своей правоте использовать неэквивалентные понятия, характеризующие (отражающие) различные уровни, степени неравенства, представляющие собой очевидную смысловую аберрацию.

А теперь о подборе более верного слова, характеризующего неравенство в реальном материале действительности. Мы позволили себе быть на этот счет другого мнения по сравнению с обозначенным выше. Более целесообразным и адекватным понятием неравенства может быть только понятие «естественное неравенство» – как объективно обусловленное явление экономической жизни общества, но не имеющее конкретного, раз и навсегда данного (заданного) количественного выражения, уровень которого (неравенства) обеспечивает устойчивые темпы роста экономики, социальный порядок и политическую стабильность общества. Естественный уровень неравенства – это уровень, не подрывающий социально-политическую стабильность общества и обеспечивающий устойчивое экономическое развитие. И в этом случае неравенство становится не виртуальным, а вполне реальным драйвером экономического роста [9, 20].

Реальная экономическая действительность демонстрирует пренебрежение как к «кривой Кузнеца» – к гипотезе о том, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов сперва возрастает, но, по мере роста экономики, имеет тенденцию снижаться, так и к критическому уровню неравенства, обнаруженному Всемирным банком, превышение которого (выше 0,4) препятствует экономическому росту и усиливает социальную напряженность, подрывает стимулы к труду и предпринимательскую активность населения. О примере роста неравенства, генерирующего устойчивые темпы экономического роста, поведал в рамках панельной дискуссии «Неравенство и экономический рост» на Гайдаровском форуме–2016 научный сотрудник Принстонского университета Сян Чжоу, опираясь на исследования экономики Китая. Согласно данным исследования, Китай является наиболее неравной страной в мире – коэффициент Джини составляет 0,61. Эксперт отметил, что китайцы все еще достаточно толерантны к сложившейся ситуации: «по данным опроса, основные три объяснения бедности – недостаток способностей, недостаток усилий и низкое образование. Только 20% респондентов

считают, что ее источником является несправедливая экономическая система» [23].

Что же касается России, где не наблюдается устойчивого прироста среднего дохода, кривая неравенства после резкого взлета в 90-е годы прошлого столетия (до 0,56), в нулевые годы 21-го века двинулась в направлении снижения и прочно аппроксимировалась с определенной плоской прямой – 0,4 (хотя реально неравенство не теряет темпов роста, особенно в критические периоды).

Таким образом, истинное (разумное и действительное) значение неравенства всегда релятивно и локально, поскольку ее установление, обнаружение в значительной мере зависит от развития и изменения миссии государственных институтов, законодательства, а также от множества психологических и социальных факторов.

Последнее подтверждается основными показателями диапазона неравенства, нищеты и восприятия благополучия, приведенными в *таблице 1* по странам Европейского экономического союза, «семерки» и Скандинавии, имея в виду, что межстрановые сравнения, как и любое сравнение, «хромает» (Ленин), поскольку международные учреждения, участвующие в подготовке Докладов о развитии человека, являющихся авторитетнейшим источником информации, гармонизируют национальные данные стран с использованием сопоставимых методологий и разрабатывают собственные оценочные показатели вместо отсутствующих данных с тем, чтобы дать возможность межстранового сравнения.

Россия по сравнению с указанными странами занимает очень скромное место по показателям общей удовлетворенности жизнью и удовлетворенностью уровнем жизни, что является результатом очевидных минимальных усилий по борьбе с нищетой (на вопрос Всемирного опроса Гэллапа «Вы удовлетворены или не удовлетворены усилиями по борьбе с нищетой в вашей стране?» только 12% респондентов ответили, что удовлетворены), в определенной мере «оправдывающих» высокий уровень смертности от употребления алкоголя и психоактивных веществ, а также в результате суицида, особенно среди мужского населения.

В *таблице 1* не указан фондовый коэффициент дифференциации населения (соотношение доходов или доли потребления 10% богатейших и 10% беднейших), который в 1980-х годах был самым низким в России (на уровне благополучных скандинавских стран) – 4,5.

В период рыночных трансформаций произошел скачкообразный рост неравенства по этому показателю до 16,2 (это по официальным статистическим данным, уступающим фактическим почти в 2 раза) [8].

Направление динамики дифференциации по доходам в значительной степени задается неравенством в оплате труда – самым значимым и массовым видом доходов. Значение фондового коэффициента дифференциации фондов по заработной плате возросло с 7,8 в 1991 году до 39,6 в 2001 году, снизившись по официальным статистическим данным до 15,8 (фактически же более чем в 2 раза выше) [6, с. 75–77].

Поскольку, согласно официальной статистике, в России и США не только практически одинаков уровень концентрации доходов ($К_{джини}$), но и уровень бедности, рассчитываемый по национальным методикам (но по различным порогам бедности – в России он определен в 10 раз ниже по сравнению с США), постольку мы прибегли к измерению бедности, уровню лишений по сопоставимым элементам обездоленности.

Индекс нищеты населения (ИНН-2) отражает уровень его обездоленности по четырем элементам:

– долгой и здоровой жизни – в виде уязвимости перед смертью в сравнительно раннем возрасте, измеряемой долей населения, которая, как ожидается при рождении, не доживет до 60 лет;

– знаний – в виде изоляции от мира чтения и информации, измеряемой долей функционально неграмотного населения;

– достойного уровня жизни, измеряемого долей людей, живущих ниже черты бедности по доходам (50% от медианного скорректированного располагаемого дохода домашних хозяйств;

– социальной изоляции, измеряемой уровнем застойной безработицы (в течение 12 или более месяцев) [4, с. 395].

Рассчитывается индекс нищеты по формуле, предложенной специалистами Программы развития организации Объединенных наций (ПРООН) в опубликованном ими Докладе о развитии человека 2006:

$$– \quad ИНН\text{-}2=[¼(P_1^{d}+P_2^{d}+P_3^{d}+P_4^{d})]^{1/3},$$

где Р1 – вероятность, существующая при рождении, не дожить до 60 лет;

$Р_2$ – доля функционально неграмотного населения;

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 9. — С. 1119–1144. — doi: 10.18334/rp.17.9.35184

Таблица 1

Основные индикаторы неравенства и восприятия благополучия по различным странам мира

Страны	Удовлетворенность уровнем жизни (в самый плохой день «ЛЕСТНИЦА») (% удовлетворенных)	Диапазон неравенства						Усилия по борьбе с нищетой (% удовлетворенных)	Общая удовлетворенность жизнью (от 0 до 10)	Коэффициент смертности от утопления (на 100 тыс. чел.)	Коэффициент смертности от суицидальных психических расстройств (на 100 тыс. чел.)	Число самоубийств на 100 тыс. чел.	
		Кешипьный коэффициент дохода		Коэффициент Джини		Коэффициент Гальвы	Неравенство в доходах по Аткинсону					Женщины	Мужчины
		2006 г.	2014 г.	2006 г.	2014 г.	2014 г.	2014 г.						
Россия	42	7,6	7,3	39,9	40,1	1,9	22,9	12	5,6	3,5	4,5	9,5	53,9
Беларусь	37	4,5	3,8	29,7	26,5	0,9	11,1	26	5,7	3,1	2,3	8,8	48,7
Казахстан	64	5,6	4,2	33,9	29,0	1,1	12,7	32	5,8	3,1	4,0	9,4	43,0
Кыргызстан	62	4,4	5,4	30,3	33,4	1,3	24,1	35	5,2	1,7	1,3	3,6	14,1
Армения	30	4,1	4,6	28,1	31,3	1,2	14,3	1,4	4,3	1,3	0,6	1,1	2,8
Украина	24	4,1	3,5	28,1	25,6	0,9	10,9	8	5,0	3,6	2,3	7,0	37,8
Молдова	45	5,3	5,3	33,2	33,0	1,3	18,9	18	6,0	2,8	0,2	5,6	30,1
Великобритания	80	7,2	7,2	36,0	36,0	..	18,8	51	6,9	1,4	1,3	3,0	10,9
Германия	90	4,3	4,3	28,3	28,3	..	14,8	50	6,7	4,3	0,9	6,0	17,9
Италия	66	6,5	6,5	36,0	36,0	..	19,8	30	5,8	0,2	0,7	2,8	10,0
Канада	85	5,5	5,5	32,6	32,5	..	13,9	45	7,4	1,6	1,2	5,4	17,3
США	72	8,4	8,4	40,8	40,5	..	35,6	43	7,0	2,1	1,6	4,5	17,7
Франция	83	5,6	5,6	32,7	..	..	14,2	44	6,6	4,2	0,5	8,5	24,7
Япония	71	3,4	3,4	24,9	..	..	13,5	33	6	0,3	0,0	13,2	36,2
Швейцария	94	5,5	5,5	33,7	33,7	..	13,2	67	7,8	2,3	3,0	11,4	24,8
Люксембург	92	4,5	4,5	30,8	30,8	..	13,1	72	7,0	3,7	1,0	3,2	16,1
Норвегия	90	3,9	3,9	25,8	25,8	..	10,7	34	7,7	2,9	0,9	6,5	17,3
Дания	88	4,3	4,3	24,7	24,7	..	13,3	57	7,5	6,9	0,5	6,4	17,5
Швеция	90	4,0	4,0	25,0	25,0	..	12,4	30	7,6	2,8	1,5	6,8	18,7
Финляндия	82	3,8	3,8	26,9	26,9	..	10,8	42	7,4	3,5	0,7	10,0	29,0

Источник: [4;5;6]

P_3 – доля населения, живущего ниже черты бедности по доходу (50% от медианного скорректированного дохода домашних хозяйств);

P_4 – уровень застойной безработицы (в течение 12 и более месяцев).

Данные для расчета ИНН-2 приводятся в *таблице 2* только по двум странам, очень близким по показателям диапазона неравенства.

Таблица 2

Исходные данные для роста ИНН- 2

Страны	*Элементы неравенства (в %)*				*Значение, придающее вес элементам*
	P_1	P_2	P_3	P_4	d
Россия	31.6	0.5	18.8	5.5	3
США	11.8	20.0	17.0	7.4	3

Источник: [4, 5]

Рассчитаем индексы нищеты населения для России и США.

$$\text{ИНН-2 (Россия)} = [1/4(31,6^3+0,5^3+18,8^3+5,5^3)]^{1/3} = 21,3\%$$

$$\text{ИНН-2 (США)} = [1/4(11,8^3+20,0^3+17,0^3+7,4^3)]^{1/3} = 15,4\%$$

России необходимо ориентироваться не на США, которые «гнездятся» на 16-ом месте в рейтинге стран по индексу нищеты населения (ИНН-2), а на страны Скандинавии: Швецию, имеющую значение показателя 8,2 (4-е место), и Данию со значением показателя – 8,4 (5-е место). Для этих стран характерны: а) высокий уровень общей удовлетворенностью жизни (они почти на 8-й из 10-и ступенек наилучших возможностей жизни); б) высокий уровень удовлетворенности уровнем жизни; в) самые низкие средние показатели неравенства по трем основным измерениям человеческого развития: по продолжительности жизни, по доходу и образованию; г) высокие показатели усилий по борьбе с нищетой; д) стабильно низкие показатели диапазона неравенства, начиная с 2006 года, минимальное неравенство в распределении доходов (*табл. 1*).

В этих странах неравенство представляет собой не фундаментальную экономическую проблему (в отличие от России), а всего лишь моральную проблему, поскольку в хорошо управляемом государстве, как гласит конфуцианский принцип, следует стыдиться

бедности и с уважением относиться к богатым, которые «вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность» (В. Ключевский). Как записано в Библии, «сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не дает ему уснуть».

Представляется нам, что в этих странах достигнута «наиболее сносная степень неравенства» (Г. Лихтенберг), уровень которой позволяет достигать устойчивые темпы роста экономики, обеспечивать (обусловливать) социальный порядок и политическую стабильность общества. Эти страны сумели нейтрализовать предвосхищенные Т. Вебленом мотивы и стимулы обогащения – пристрастие к богатству и зависть, связанную с разящим неравенством в распределении доходов и предоставлении возможностей. Здесь минимизировано неравенство до уровня «божественно устроенного изящного и естественного», а богатство богатых стало предельно общественно полезным, не выставляемым напоказ и выполняющим социальные функции в тесном взаимодействии с государственными институтами. Здесь нет ни зримых нищих, ни сказочно богатых, а богатство, «национальный пирог», распределяется «по усмотрению» правительства равномерно и справедливо.

Заключение

Общий вывод, вытекающий из материалов исследования: особых оснований для повышения градуса надежд на сокращение неравенства и преодоления бедности в России в ближайшее время не предвидится. К тому же процессы, определяющие и влияющие на неравенство, характеризуются фундаментальной неопределенностью, то есть практически невозможно определить меру ответственности за бедность (как функции неравенства в различных пространствах): а) самих людей, б) государства, призванного обеспечить благополучие всех граждан. Как отмечал министр народного просвещения и член Государственного совета Российской империи К. Левин: «Для государства и человека было бы лучше, если бы люди менее стремились учить и управлять, чем повиноваться и точно исполнять установленные правила» – как формальные определенные и зафиксированные, добавим мы, в Основном законе – Конституции, гражданском и трудовом кодексах, в Указах Президента, в других законах и подзаконных актах, а также неформальные нормы и традиции, моральные и этические принципы поведения индивидуумов, различного рода ограничения, меры

принуждения к выполнению указанных правил и т.д. Все эти правила, вместе взятые, образуют структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – «будь то в политике, социальной сфере и экономике (Д. Норд)».

Определению ответственности указанных сторон должно предшествовать хотя бы приблизительное знание («То, что мы знаем – ограничено» – Апулей) наиболее актуальной проблемы сегодняшней России.

Авторы считают, что наиболее эффективным методом определения действительного положения дел в области социального неравенства и бедности населения и обнаружения ключевых направлений их гармонизации является диалогическая стратегия (диалог – это всеобщий принцип оптимальной организации и управления на всех уровнях хозяйствования). Именно в диалоге скрыты истинные возможности формирования телеологического механизма управления процессом сокращения неравенства и нищеты населения. Необходима эффективная коммуникация (порождающая доверие) властных организаций с обществом по поводу перманентного роста уровня бедности, особенно в восходящей фазе нынешнего кризиса, углубляющегося и так запредельного расслоения общества, чудовищного неравенства в распределении доходов для того, чтобы знать, как говорил классик, как действовать с какими-либо шансами на успех, на повышение градуса социальных надежд.

Наиболее чем удачной площадкой для панельных дискуссий по поводу самой жгучей обозначенной выше проблемы современной России является телевидение, которое, к сожалению, превратилось, по существу, в очень выгодный, высокодоходный промысел для «СМИтовских» властей (хотя «главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом» – Маркс К), неизвестно, по каким критериям или признакам (или достижениям) формирующих «рабочие группы» непрерывно умножающихся бездарных и метафизических проектов[17, 19].

Согревают ли душу народа риторические упражнения участников различного статуса (непременно парламентариев обеих палат) в проектах «Право голоса», «Право знать» и т.д., в проектах «самолюбования», в которых каждый из них (участников) «блистает, блещет и блестит» (Тютчев), но, похоже, dcero лишь в собственном воображении? Эти

многочисленные проекты напоминают «Вечера вопросов и ответов» на темы, далеко отвлеченные от внутренних проблем страны.

Чтобы преодолеть «жесточайшее равнодушие к народу со временем нечаянно совершившейся революции 1917 года» (И. Бунин), необходимо удовлетворить конституционное право голоса отдельного человека (уполномоченного представителя города, региона) и его право знать о конкретных намерениях – действиях властного треугольника «президент – парламент – правительство», в котором (треугольнике) остается слабой (и почти незамечаемой) системность взаимоотношений указанных властей в решении благосостоятельной проблемы.

И самое главное, что должно быть выявлено на дискуссионной площадке, – это точное знание того, какова мера ответственности за бедность самих людей, с одной стороны, и государства, с другой стороны, и предпринимаются ли какие-либо усилия обеих сторон в гармонизации неравенства и «укрощения» бедности, или же они питаются вечной надеждой, «что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко» (И. Бунин «Окаянные дни»).

Что же касается оценки степени неравенства и уровня бедности, то, как полагаем, что, поскольку до сих пор не опровергнут постулат В.Парето – «лучший судья своего благосостояния – это сам человек», постольку об уровне своего благополучия, уровня жизни и степени счастливости люди сами формируют свои оценочные представления. Субъективную ценность следует считать верховной категорией внутрихозяйственных явлений (уровня жизни, качества жизни, бедности, неравенства), поскольку их объяснение возможно только с точки зрения их телеологичности, целесообразности для каждого субъекта.

Индикаторами благополучия (игнорируя показатель неравенства – коэффициент Джини) авторы предлагают следующие индикаторы, ежегодно определяемые в Докладах ПРООН:

– общую удовлетворенность жизнью: средний ответ на вопрос Всемирного опроса Гэллапа: «Пожалуйста, представьте себе лестницу-стремянку, ступеньки которой пронумерованы снизу вверх от нуля до десяти. Предположим, мы говорим, что верхняя ступенька лестницы соответствует для Вас наилучшим возможностям жизни, а нижняя ступенька – самым худшим возможностям. На какой из ступенек Вы, по своим личным ощущениям, сейчас находитесь, если предположить, что

чем выше ступенька, тем больше, а чем ниже – тем меньше Вы удовлетворены жизнью. Какая ступенька наиболее соответствует Вашим ощущениям;

–удовлетворенность уровнем жизни: процент респондентов, ответивших «удовлетворен» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа «Удовлетворены ли Вы или не удовлетворены Вашим уровнем жизни, всем, что Вы можете купить или сделать» [5, с. 223].

Речь, конечно же, не идет о том, чтобы ежегодно дожидаться ООНовских оценочных показателей. Функционирующий при Правительстве Российской Федерации Аналитический центр (кстати говоря, в подготовленном им Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год не представлены расчеты генерального показателя человеческого развития по регионам страны за 2014 год, а сам Доклад – это, по сути, сборник статей), используя творческий потенциал социологов ВЦИОМа, ВЦУЖа, Левада Центра и других институтов и обязав их определять эти индикаторы не в нерасчлененной однообразной массе респондентов, а в по различным критериям и основаниям структурированном гражданском обществе.

Чтобы выявленные субъективные оценочные показатели не вызывали картезианских сомнений («…людям верить нельзя, потому что среди них имеются такие, которые ошибаются в рассуждениях» – Р. Декарт), они (показатели) должны быть гармонизированы, дополнены (косвенно подтверждены) статистическими показателями социального-экономического развития страны (такими, как темпы экономического роста, продолжительность жизни, естественный прирост населения, уровень образования и т.д.).

Индикатором справедливого, сносного неравенства следует считать процент удовлетворенных уровнем жизни в диапазоне 80–95, «подтвержденный» положительным трендом социально-экономического и политического фонов.

ИСТОЧНИКИ:

1. Аргументы и факты. – 2016. – № 1. – С. 11.

2. Аргументы и факты. – 2015. – № 5. – С. 1.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. – СПб: Диамант, 1996. – 784 с.

4. Доклад о развитии человека 2006. Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов. – М.: Весь мир, 2006. – 438 с.

5. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. – М.: Весь мир, 2014. – 236 с.

6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.

7. Бюджет деградации, обнищания и разрушения: Выступление Председателя ЦК КПРФ, руководителя фракции КПРФ в Государственной думе Г.А. ЗЮГАНОВА при обсуждении Федерального бюджета на 2016 год // Правда: Информационный бюллетень ЦК КПРФ. – 2015. – Декабрь 2015 — январь 2016. – С. 1, 4.

8. *Колодко Г.К.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000. – 392 с.

9. *Колесников Л.Ф., Косьмин А.Д.* Бедность как функция и аргумент неравенства // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 3. – С. 7-28.

10. *Колесников Л.Ф., Косьмин А.Д.* О базовом элементе развития человека // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 9. – С. 149-156.

11. *Колесников Л.Ф., Косьмин А.Д.* К вопросу аппроксимации человеческого счастья // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 1. – С. 145-151.

12. *Колесников Л.Ф., Косьмина Е.А., Косьмин А.Д.* О хрупких гранях российской экономики // Вестник Института дружбы народов Кавказа Теория экономики и управления народным хозяйством. – 2015. – № 1. – С. 2.

13. *Колесников Л.Ф., Косьмина Е.А., Косьмин А.Д.* О факторах торможения экономического роста в России // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 6. – С. 30-41.

14. *Косьмин А.Д., Косьмина Е.А.* О доминантной цели развития тысячелетия // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 5. – С. 75-79.

15. *Косьмин А.Д., Косьмина Е.А.* О статистических миражах благополучия (что не так с определением бедности в России) // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 7. – С. 961-970.

16. *Косьмина Е.А.* Качество жизни и его основные детерминанты // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 1-2. – С. 178-192.

17. *Косьмина Е.А.* Векторы и интенсивность воздействия доминирующих форм совокупного капитала на народное благосостояние. Теория. Методология. Оценка. – Москва: Экономика, 2009. – 607 с.

18. *Косьмина Е.А., Косьмин А.Д.* О нисходящем тренде экономической безопасности России // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 12. – С. 1765-1780. – doi: 10.18334/rp.16.12.314

19. *Космина Е.А., Космин А.Д.* Об условиях реализации созидающей функции телевидения // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 6. – С. 137-140.

20. *Косьмина Е.А., Сиряк В.А.* Бедность как интегрированная функция неравенства. Опыт концептуального и эмпирического определения. – Омск: Издательство ОмГТУ, 2012. – 127 с.

21. *Ленин В.И.* Замечания на книге А. Рея «Современная философия» (1908) // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 29. – М.: Политиздат, 1963. – С. 475-525.

22. *Sen A.* Poverty: An Ordinal Approach to Measurement // Econometrica. – 1976. – Vol. 44. – № 2. – P. 219-231.

23. Сайт Гайдаровского форума 2016 «Россия и мир: взгляд в будущее».

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 9. — С. 1119–1144. — doi: 10.18334/rp.17.9.35184

Anatoly D. Kosmin, Doctor of Science, Economics; Professor, Omsk State Technical University
Elena A. Kosmina, Doctor of Science, Economics; Professor, Omsk Humanitarian Academy

The virtual driver of economic growth (or harmonization of inequality)

ABSTRACT:
The article reviews the historical progressive role of inequality and poverty (as a function and an argument of inequality), as well as factors that determine them. The authors substantiate the strategy of harmonization and achievement of such values of the inequality and poverty rates at which they acquire the status of real drivers of the economic growth. Based on the comparative analysis of inequality rates, the position of Russia among the European Economic Community, G7 and the wealthiest Scandinavian countries ("where the people live well") is determined. The article is heuristic and prognostic so it can be useful to students, researchers and public officials who are responsible for the population's well-being.
KEYWORDS: poverty, inequality, hardships, inflation, natural inequality, consumer demand, driver, economic growth